

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ КЪ БЫЛИНАМЪ¹).

V.

Золотыя врата въ Кіевѣ и Царьградѣ.

Въ первой главѣ моихъ Южно–русскихъ былинь (вып. I, стр. 3) я указалъ на пересказъ легенды о кіевскихъ Золотыхъ воротахъ, записанный Грабовскимъ; указалъ, слѣдуя замѣткѣ г. Кулиша (Записки о Южной Руси, I, стр. 3–5), ибо рѣдкое изданіе, въ которомъ явилось сообщеніе Грабовскаго, было мнѣ тогда недоступно. Нынѣ, благодаря В. В. Каллашу, я могу сообщить его версію разказа, интересную для исторіи русскихъ былевыхъ сюжетовъ²).

---

¹) См. Ж. М. Н. Пр. за декабрь 1885 г.

²) М. Grabowski, O gminnych ukraińskich podaniach. *Rubon*, t. VI, 1845 г., стр. 161–2: Legenda o Złotej–Bramie Kijowskiej (записана „okolo Kopczoza w okolicach Stuhny”).

Kiedy Tatarzy coraz bliżej podstepowali pod Kijow i opasywali go walami, z za których brac go zamierzali, wtedy nieznajomy bohater wszedł na wysoka jedna wieze kijowska i napiawszy luk, puscil z niego strzale, ktora doleciala az do Stuhny i upadła w sam oboz Tatarski, w sama misse, z ktorej starszyzna poludniowy positek brala. Jak skoro postzregli te strzale Tatarowie, poznali zaraz, ze Kijowa nie wezma, bo w nim sie taki bohater znajduje, ktorego niezmoga. Postanowili wiec wejśc w układy; poslali do miasta, oswiadczajac, ze odstapia od niego spokojne i okupu zen nie wezma, byle im wydano bohatera, ktory strzala z Kijowa do Stuhny dosiega. Ucieszono sie w miescie, lecz ne wiedziano, gdzie szukac nieznajomego im rycerza. Szukano, szucano, az nareszcie go odpytano; a wtedy zeszła sie rada, i radzono, oddawac go, czy nie oddawac?... Postanowiono oddac; lecz kiedy chciano go wyprowadzic z miasta, zaden konnie mogl go wyniesc; az sam bohater poradzil, zeby z ojcowskiej jego stajni wyprowadzono ojcowskiego konia, ktory

pod nim wytrzyma, Siadł więc bohater na tego konia i ruszył z Kijowa; a kiedy wjechał pod Złota–Bramę, wtedy obrócił do ludu i rzekł:

Kijanie! Kijanie! Panowie Gromada!
Głupia wasza rada.

Gdybyscie mnie byli nie wydali,
Pokiby stonca na niebie,

Nigdyby Tatarzy Kijowa nie dostali.

Tak mówiąc wznosił kopje do góry, podniósł na niej Złota–Bramę, i trzymając ją na wloczni, powoził z sobą do Tatarskiego obozu. Ucieszyli się bardzo Tatarzy, dostawszy bohatera i Złota–Bramę; odestali do Carogradu, a sami, nie pomni na obietnice, miasto zdobyli. Żyje po dziś dzień bohater w Carogrodzie, przed nim leży chleb święty, którego widok za pokarm mu i napój wystarcza; stoi i Brama–złota; a kiedy przechodzący przez nią myśli, że ona tam wiecznie zostanie, mgli się i mierzchnie; kiedy zaś w myśli sobie powie: o Brama–Złota! wrocisz ty znowu na dawne miejsce! — Złote ściany Isnia się i promienieją, jak słońce.

Wroci bo wiem i bohater i Zlota–Brama do Kijowa; na to juz niedlugo czekac.

Ближе всего этотъ пересказъ къ редакціи сказанія, записанной г. Кулишемъ (главныя разночтенія я отмѣтилъ курсивомъ); тамъ и здѣсь Золотыя Ворота переносятся изъ Кіева въ Царьградъ — по идеѣ, нашедшей выраженіе и въ другихъ легендахъ—дублетахъ, представлявшихъ Золотыя Ворота Царьграда — или Кіева — палладіумомъ, съ которымъ связана судьба города. Въ интерполированномъ русскомъ текстѣ Откровеній Меѳодія измаильтяне, подступившіе подъ Константинополь, „прійдутъ къ Златымъ Вратамъ, еже суть заключены издавна, никому же не отверзошася. Тѣмъ же повелѣніемъ Божиимъ отверзутся имъ, и пойдутъ и досѣкутся свѣты Софіи“ (Южно–русскія былины, вып. I, стр. 9; сл. вып. II, стр. 264: трапезунтскую пѣсню изъ сборника Іоаннида). У Симона Кезы о мадьярскомъ (=нѣмецкомъ) героѣ Ботондѣ разказывается, что при осадѣ Константинополя «arrepto dolabro, quem

ferre consueveret, super portam Urbis, que erea erat, praecurreret, tantamque fissuram in ea fecisse dicitur cum dolabro uno ictu, ut Greci propter monstrum portam resarcire noluerunt“. По Будинской хроникѣ пятилѣтній ребенокъ могъ свободно проходить въ отверстіе, сдѣланное Ботондомъ въ мѣдныхъ вратахъ Царьграда. Подобный же подвигъ польскія лѣтописи приписываютъ Болеславу Храброму (позднѣе Болеславу II), но вмѣсто Царьграда стоитъ Кіевъ и его Золотыя Ворота. Досѣчься до Золотыхъ Воротъ, либо разсѣчь ихъ, стало эпическимъ выраженіемъ, однозначущимъ съ взятіемъ города. „Хочу сѣчи въ Золотыя Ворота, яко же и отецъ мой“, хвастаетъ о Кіевѣ половчинъ Севенчъ Боняковичъ (подъ 1151 годомъ).

VI.

Сумочка Микулы Селяниновича и византійская акакіа.

Разбирая мимоходомъ былину о Микулѣ Селяниновичѣ, я коснулся (Южно-русскія былины, вып. 2, стр. 247—248) и его знаменитой сумочки съ „земною тягой“. Тяга земная — это земля, персть, поглощающая всякую силу и славу; это такое же *memento mori*, какъ сосудъ съ землею, который несутъ передъ пресвитеромъ Іоанномъ въ память о томъ, что всей его силѣ и славѣ суждено обратиться въ прахъ. Я привелъ въ параллель показаніе Гервасія Тильберійскаго (*Otia Imperialia, decis. I, c. X*): о золотой державѣ императора, наполненной перстью и золой, „*ut per auri fulgorem gloria notetur imperii et per favillam levis gloriae temporalis transitus designetur*“ (I. c. стр. 215—216). Таково въ сущности значеніе яблока-державы, поднесенной волхвомъ Мельхіоромъ младенцу Христу по легендѣ Іоанна Гильдесгеймскаго: она

принадлежала Александру Македонскому, сдѣлана изъ монетъ, взятыхъ въ дань съ народовъ всего свѣта, ему подвластныхъ, и символически изображала міръ; когда поднесли ее Христу, она разсыпалась въ прахъ и пепель¹). У Готфрида изъ Витербо (*Memoria saeculorum*, part. XIV) эта идея брѣнности, присущая символу державы, забыта и дано больше значенія символу всемірнаго владычества:

Aureus ille globus pomum vel palla
vocatur,

Unde figuratum mundum gestare
putatur:

Quando coronatur, palla ferenda
datur.

Palla refert mundum forma faciente
rotundum;

Intus habet gravidum terrestri pondere
fundum,

Quem tenet archana palla ferenda
manu.

---

¹) *Liebrecht*, Gerv. von Tilbur6, *Otia Imperialia*, стр. 54, № 3.

Dicitur externis mundi collata
quaternis,

Ut foret eternis manibus gestanda
supernis:

Нас tulit imperium Julius arte
suum.

Слѣдуюція сопоставленія, обращающія насъ къ Византіи, бросаютъ свѣтъ не только на древнее символическое значеніе имперской державы, но и на сосудъ съ землею въ посланіи Пресвитера и на другія подробности, которыми онъ обставленъ.

Вотъ соотвѣтствующій эпизодъ посланія (ed. Zarncke 47): „Quando procedimus ad bella contra inimicos nostros, говоритъ о себѣ Пресвитеръ, XIII cruces magnas et praecelsas, factas ex auro et lapidibus pretiosis, in singulis plaustris loco vexillorum ante faciem nostram portari.... facimus... Cum vero simpliciter equitamus, ante majestatem nostram procedit lignea crux, nulla pictura neque auro aut gemmis ornata, ut semper simus memores passionis domini nostri Iesu Christi, et vas unum aureum plenum terra, ut cognoscamus, quia caro

nostra in propriam redigitur originem, i. e. terram“. Сосуду, полному персти, отвѣчаетъ въ придворномъ византійскомъ церемоніалѣ мѣшокъ изъ шелковой ткани, въ видѣ книги, наполненный землею: такъ—называемая ακακία¹). Сл. Const. Porphy. Cer. ed. Bonn. I, стр. 25: λαμβανουσιν (то—есть, οι δεσποται) εν μεν τη δεξια χειρι την ακακίαν, εν δε τη ευωνυμψ τους εκ λιθων και μαργαρων ημφιεσμενους χρυσους σταυρους. Сл. тамъ же стр. 574 (αλεξικακίας) и слѣдующее символическое толкованіе акакіи, безъ упоминанія ея названія: εν ταις δεξιαις χερσιν αυτων (то—есть, императоровъ) το νικητικον του σταυρου κατεχοντες τροπαιον, την εξαναστασιν της χοικης ημων ουσιας εν ταις ευωνυμοις κατεχουσι. (l. c. I, 766). Если въ послѣднемъ мѣстѣ разумѣется ακακία, то на этотъ разъ императоръ несетъ ее въ лѣвой рукѣ, а не въ правой,

---

¹) Объ изображеніи ея на византійскихъ миниатюрахъ см. Кондакова, Исторія византійскаго искусства, стр. 115 и 235 (Олицетвореніе Незлобія, съ акакіей въ рукѣ).

какъ въ первой цитатѣ, и ей приписывается новое значеніе: она знаменуетъ воскресеніе во плоти. Иной смыслъ дается ей у Кодина (*De official. palatii Constantinopolit.* с. 6), распредѣляющаго крестъ и акакію согласно съ послѣднимъ показаніемъ Константина Багрянороднаго: „τον δε γε σταυρον εν δεξια φερει αι, εν δε τη αριστερα βλατιον κωδικι εοικος, δεδεμενον μετα μανδυλιου. ο βλατιον εχει χωμα εντος και καληται ακακια.... Και τον μεν σταυρον ο βασιλευς φερων δι'αυτου δεικνυσι την εις Χριστον εαυτου πιστιν.... δια του χωματος, καληται ακακια, ως ειπομεν, το τον βασιλεα ταπεινον ειναи ως θνητον, και μη δια το της βασιλειας υψος επαιρεσθαι και μεγαλαυχειν. — **Сл. Симона Θεσσαλονικійскаго** *De sacro templo*, с. XLVIII: ο δε γε βασεληυς μετα το χρησθηναι τε και ευλογθηναι αρχιερατικη χειρι, και το στεμμα λαβειν επι κεφαλης, και τον σταυρον εις δειγμα της ευσεβιας και την ακακιαν οπερ χους εστιν εν μανδυλιψ σημαиνον το φθαρτον της αρχης και την εκ

τουτου ταλεινωσιν“. Ближе всего къ сосуду съ перстью Эпистолии разказъ Петра Даміани, Epist. I, 17: что византійскій новопосвященный императоръ „una manu vasculum plenum mortuorum ossibus et pulveribus offerat, in alia vero stuppam lini subtiliter pexam ac pilis pensilibus molliter demolitam, et repente in ictu oculi flamma subito vorante consumitur, ut in altero considerare debeat quod est, in altero videre valeat, quid habet. In cineribus siquidem se cinerem recognoscit, in stупpa vero colligit, in die judicii quam subito mundus ardebit».

Если въ эпизодѣ о Микулѣ пахарѣ онъ становится въ параллель съ пашущимъ византійскимъ императоромъ, то къ приключенію съ сумкой, въ которую наложена земная тяга, мы также вправѣ искать параллелей въ указанномъ направленіи и находимъ ихъ въ византійской акакіи, мѣшкѣ, наполненнымъ перстью, напоминавшей о бренности человѣческой славы.

VII.

Готы и Гунны и русская мѣстность
Hervararsaga'и.

Richard Heinzel. UEBER DIE HERVARARSAGA.
Wien. 1887.

Сообщая далѣе о новомъ трудѣ профессора Гейнца, я имѣю въ виду не критику полученныхъ имъ результатовъ, а изложеніе тѣхъ изъ нихъ, которые касаются географическихъ и этническихъ отношеній древней Руси. Въ томъ и другомъ смыслѣ сага о Hervör представляетъ любопытныя данныя, значеніе которыхъ разъяснено обширной эрудиціей профессора Гейнца.

Общее содержаніе древней саги, на сколько можно заключить по ея двумъ, неравномѣрно сохранившимся редакціямъ (I и II), слѣдующее:

Король Svafrlami (или Sigrlami въ Gardariki, ркп. а. Сл. стр. 19) добылъ отъ dwarfovъ чудесный мечъ Tyrfing, причиняющій смерть чловѣка всякій разъ, какъ его

вынуть изъ ноженъ¹⁾). Мечъ этотъ переходитъ къ Arngrim'у, женившемуся на дочери Svafrlami, Eufura'ѣ, и затѣмъ къ старшему изъ двѣнадцати сыновей Arngrim'a, Angantyr'у. Angantyr сватается (за брата?), вслѣдствіе клятвы, имъ данной, за дочь Шведскаго короля¹⁾), которую любитъ Hjalmar; вслѣдствіе этого происходитъ на Samsöe бой между сыновьями Arngrim'a и Hjalmar'омъ въ союзѣ съ Örvarodd'омъ, при чемъ Angantyr убиваетъ Hjalmar'a Tjurfing'омъ, но и самъ убитъ вмѣстѣ со всѣми братьями. Незадолго передъ тѣмъ Angantyr женился на дочери Vjartmar'a, которая уже по его смерти родила дочь, по имени Hervör. Дикая и необузданная, она покидаетъ мать и дѣда и

---

¹⁾ Гейнцел., стр. 29—30, пр. 1, сравниваетъ съ Тирфингомъ мечъ Dainsleif въ Skaldskaparmal с. 50, Snorra Edda I, 434; мечъ Сигмунда въ Völsungasaga'ѣ FAS. I, 146; лукъ An'a FAS. 2, 327, 338; стрѣлы Gusi въ Örvaroddssaga FAS. 2, 122 sqq, 173 и перстень Andvari. Мечъ Аттилы, по позднѣйшему преданію, также приносилъ несчастье. Сл. ib., стр. 30, прим. 1, и мечъ Навходоносора въ Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ, стр. 151.

¹⁾ Она названа Ingibiörg, дочь Yngvi или Ingjald'a. Похвальба любовью Ингиборги была типической, можетъ быть, еще до сложенія Hervararsaga'и. Въ Sturlaugasaga Starfsama (FAS. 3, 633) Framar хвастаетъ, что попадетъ на ложе Ингиборги, дочери короля Ингвара i Gördum austr — то-есть, въ Gardariki=Руси? Сл. p. 31.

подъ именемъ Hervard'a становится вождемъ викинговъ. Приставъ на островъ Samsöe, она будить въ могильномъ курганѣ своего отца Ангантира и побуждаетъ его выдать ей мечъ Тирфингъ, что тотъ и дѣлаетъ, вѣщая, что отъ того меча погибнетъ весь его родъ. Ея дальнѣйшія странствованія приводятъ её къ королю Gudmund'у въ Glasirvellir. Она помогаетъ ему въ шахматной игрѣ и убиваетъ одного челоуѣка, рѣшившагося обнажить Тирфингъ. Позднѣе, прискучивъ боевою жизнью, она возвращается къ Гудмунду и выходитъ за его сына, мудраго Höfund'a. У нихъ два сына: Angantyr II и Heidrekr, котораго мать любитъ больше, не смотря на его злой нравъ, и которому даритъ мечъ Тирфингъ. У него воспитатель Гизуръ. Однажды на пиру у отца, къ которому онъ не былъ позванъ, Гейдрекъ возбудилъ распрю и нечаянно убилъ своего брата. Его изгоняютъ, но Höfund даетъ ему въ путь мудрыя наставленія: не помогать челоуѣку, убившему своего господина или друга; не позволять женѣ часто посѣщать своихъ

родственниковъ; не оставаться у милой до поздней ночи; не садиться на лучшаго коня, если спѣшишь; не воспитывать сына челоуѣка, болѣе могущественнаго, чѣмъ онъ самъ. Гейдрекъ сознательно преступаетъ два первыхъ изъ преподанныхъ ему совѣтовъ, какъ дѣлаетъ и далѣе относительно нѣкоторыхъ другихъ — но эти совѣты, или скорѣе неисполненіе ихъ, не наполняютъ его біографіи и не даютъ ей рамки. Очень вѣроятно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ ходячимъ мотивомъ, внѣшнимъ образомъ введеннымъ въ разказъ²⁾). Гейдрекъ помогаетъ Гаральду, королю Reidgotaland'a, противъ возставшихъ ярловъ и получаетъ руку его дочери Гельги, которая родитъ ему сына Angantyr'a III. Для отвращенія голода въ Reidgotaland'ѣ положено принести въ жертву мальчика изъ именитѣйшаго рода; по приговору Höfund'a участь падаетъ на Angantyr'a III, но онъ избѣгаетъ ея, ибо Гейдреку удастся, при помощи хитрости, которой научился у отца, причинить смерть

---

²⁾ См. *Heinzel*, I. с. стр. 37—39.

Гаральду и воцариться на его мѣстѣ. Гельга убиваетъ себя. Отъ любовницы Sifka'и, дочери Humli, князя Hunaland'а, у Гейдрекъ сынъ Hlödr, вырастающій у своего дѣда. Впослѣдствіи Гейдрекъ женится на дочери короля саксовъ, которая отпросилась у него на побывку къ своимъ роднымъ вмѣстѣ съ его сыномъ Ангантиромъ III; здѣсь Гейдрекъ застаётъ ее однажды спящей съ рабомъ—любовникомъ и тайно удаляется, отрѣзавъ у поыслѣдняго прядь волосъ и взявъ съ собою сына. Такимъ образомъ онъ побуждаетъ жену ко лжи: будто Ангантиръ III умеръ; она велитъ наскоро соорудить ему пышную могилу, въ которой, при осмотрѣ, найденъ трупъ собаки. Гейдрекъ издѣвается надъ метаморфозой, постигшей его сына, а раба уличаетъ отрѣзанной у него прядью волосъ. — Разведясь съ женой—саксонкой Гейдрекъ, въ сознательномъ противорѣчій съ однимъ изъ мудрыхъ совѣтовъ Höfund'а, предлагаетъ королю Hrollaug'у изъ Gardariki взять къ себѣ на воспитаніе его сына, что и устраивается, благодаря

посредничеству жены Hrollaug'a и не смотря на нежеланіе послѣдняго. Однажды, явившись на пиръ къ королю съ своею любовницей Сифкой и питомцемъ, онъ убѣждаетъ его спрятаться, а самъ предается горю объ его утратѣ. Ночью онъ говоритъ Сифкѣ, что убилъ питомца, нечаянно обнаживъ при немъ мечъ Тирфингъ, всегда требующій въ такихъ случаяхъ человѣческой жертвы. Снова онъ преступилъ совѣтъ Höfund'a: не довѣрять тайны любовницѣ; Сифка доноситъ о мнимомъ преступленіи Гейдрека, и Hrollaug велитъ его повѣсить, при чемъ исполнителями казни готовы явиться лишь два негодяя, которымъ Гейдрекъ спасъ жизнь. Въ это время показывается сынъ Hrollaug'a, который, по совѣту жены, предлагаетъ Гейдреку руку своей дочери. Съ нею онъ ѣдетъ домой; вечеромъ онъ удаляетъ отъ себя Сифку, посадивъ ее на своего лучшаго коня; когда онъ палъ подъ нею, Гейдрекъ наказываетъ (или убиваетъ?) за то любовницу. Съ новой женой онъ прижилъ дочь, Hervör II,

валькирію, воспитывающуюся у Frodmar'a. — Гейдрекъ приноситъ въ жертву Фрею кабана, при чемъ клянется, что всякій обвиняемый обязанъ либо подчиниться приговору его совѣтниковъ, либо задать ему неразрѣшимыя имъ загадки. Одинъ именитый челоуѣкъ, по имени Gestumblindi, является судиться ко двору; не довѣряя ни рѣшенію мудрыхъ людей, ни своей собственной мудрости, онъ обращается съ молитвой къ Одину, который, принявъ образъ Gestumblindi, самъ предлагаетъ загадки Гейдреку. Гейдрекъ отгадываетъ всѣ, за исключеніемъ послѣдней: словъ, сказанныхъ Однимъ на ухо Бальдру, когда онъ возлежалъ на кострѣ. Узнавъ по содержанию загадки — Одина, Гейдрекъ замахнулся мечемъ на бога, улетѣвшаго въ видѣ сокола, но отрубилъ лишь конецъ хвоста; съ тѣхъ поръ соколь тупохвостый. Это кощунство и является причиной смерти Гейдрека.

Для слѣдующаго отдѣла саги редакція I не сохранилась; конецъ досказывается по рукописямъ редакціи II.

Гейдрекъ убитъ своими рабами у подошвы горъ Harvada; они бѣгутъ, захвативъ съ собой Тирфингъ и казну, но у рѣки Grafa открыты и убиты сыномъ и наслѣдникомъ Гейдрека, Ангантиромъ III; Тирфингъ опять въ его власти.

Когда Hlödr, незаконнорожденный сынъ Гейдрека, жившій у своего дѣда, гуннскаго короля Humli, узналъ о захватѣ отцовской власти Ангантиромъ III, онъ отправился въ его резиденцію Arheimar и потребовалъ, чтобъ ему уступлена была половина владѣній. Ангантиръ отвѣчаетъ отказомъ на требованіе брата, предлагая въ замѣнъ дары и третью часть готскаго царства; воспитатель Ангантира, Гизуръ Grytingalidi, говоритъ, что для незаконнорожденного брата и этого будетъ довольно. Hlödr удаляется разгнѣванный и снаряжается вмѣстѣ съ дѣдомъ къ войнѣ противъ брата. Они собираютъ громадное войско и доходятъ по лѣсу Myrkvidr до замка, гдѣ жила съ своимъ воспитателемъ Osmar'омъ сестра Ангантира, Hervör II. Она назначаетъ, черезъ посредство Osmar'а,

мѣсто битвы, въ которой гунны остаются побѣдителями; Hervör II убита, а Осмаръ бѣжить съ горестною вѣстью къ Ангантиру. Тогда Ангантиръ поручаетъ Гизуру вызвать Нлöd'а и гунновъ на бой въ Dylgja, на Dunheidi, подъ горами Jösur (Jösurfjollum). Вызовъ Гизура полонъ надменности:

Felmtr er ydru fylki,
feigr er ydar visir,
gnaefr ydr gunnfani,
gramr er ydr Odinn.

(Смущена ваша волость, обреченъ на смерть вашъ король, вашъ стягъ высится, но гнѣвнень на васъ Одинъ).

Нлöd'р велить схватить его, но Humli его защищаетъ, и онъ идетъ сообщить Ангантиру о превосходствѣ непріятельскаго войска. Происходитъ жестокая битва, длящаяся восемь дней, ибо готы сражаются за свободу и отечество. Ангантиръ бьется съ Тирфингомъ въ рукахъ и убиваетъ Нлöd'а и Humli; гунны обращаются въ бѣгство; рѣка выступаетъ изъ береговъ, долины переполнены трупами, а Ангантиръ

плачется надъ участію, сдѣлавшей его убійцей брата.

Изъ сообщеннаго нами содержанія саги насъ интересуесть здѣсь лишь вторая часть, начинающаяся съ эпизода о смерти Гейдрека. Уже этотъ разказъ, плохо вяжущійся съ предыдущимъ преніемъ загадками (см. Heinzel, 40—41), указываетъ на иной источникъ и иной кругозоръ, чѣмъ въ какомъ стоялъ писатель первой части саги. То же надо предположить и относительно слѣдующаго далѣе отдѣла: о распрѣ между Hlöd'омъ и Ангантиромъ и великой готско—гуннской битвѣ. Составитель пользовался для этого отдѣла какою—нибудь древнею пѣснею, или и двумя (см. стр. 44) объ этомъ событіи, и цитуемая имъ строфы не только обличаютъ значительно большую древность сравнительно съ прозаическими частями саги, но одна изъ нихъ вводитъ, будто новое, лицо, съ которымъ мы уже знакомы: Hlöd'a:

Hlödr var thar borinn
í Hunalandi,

Saxi ok med sverdi,
Sidri brynju,
Hjalmi hringreifdum,
Hvössum maeki,
Mari vel tömum,
A mörk inni helgu.

(Hlödr родился въ Гуналандѣ, съ ножемъ и мечемъ, длинной броней, шлемомъ, украшеннымъ кольцами, острымъ булатомъ, снаряженнымъ конемъ, родился въ священной области). Какъ бы ни понимать значеніе этихъ образовъ: реально (герой родится во всеоружіи силы или мудрости) или иносказательно (какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ: подъ трубами повити, подъ шеломи възлѣлѣяни, конецъ копя въскрѣмлени), мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ отрывкомъ¹⁾ древнепѣсеннаго характера, съ запѣвомъ, впервые введившимъ на сцену Hlöd'а и его соратниковъ—гунновъ.

Ближайшимъ является вопросъ: какую именно битву гунновъ съ готами имѣетъ въ виду эпизодъ о Hlöd'ѣ? Гейнцель указаль

---

¹⁾ I. с. 44—45.

на нѣкоторыя германскія параллели къ этому разказу. Въ датскихъ историческихъ памятникахъ нерѣдко встрѣчаются имена Humblus и Lotherus: Humli и Hlöd саги; такъ и у Саксона Грамматика (l. I c. 22 ed. Müller), гдѣ они являются сыновьями Дана и Гриты и внуками перваго Humblus, родоначальника датской династии. Humblus второй ведетъ войну противъ Лотера, лишаетъ его царства и становится тираномъ. Если въ этомъ разказѣ Саксона интересующему насъ эпизоду отвѣчаютъ лишь собственныя имена, а не содержаніе событій, то слѣдующій (l. c. I 223 слѣд.) представляетъ и содержательное соотвѣтствіе. Дѣло идетъ о войнѣ между датчанами и гуннами, Frotho III и королемъ Нун'омъ, его тестемъ. Оскорбленный тѣмъ, что Frotho прогналъ свою жену, Нунъ въ союзѣ съ Olimarus, королемъ восточныхъ (Orientales) людей или рутеновъ (Rutheni, I 234, и слѣд.), идетъ на датчанъ войною, при чемъ Olimarus начальствуетъ надъ морскими Нунъ надъ сухопутными силами. Эрикъ ѣдетъ соглядатаемъ къ флоту затѣмъ

къ гуннской рати, рано утромъ видитъ ея аванпосты, тогда какъ аррьергардъ проходитъ мимо него лишь вечеромъ. Эрика узнали и хотятъ взять въ плѣнъ, но онъ спасаетъ себя изреченіемъ: *non decere unum a pluribus abripi* и, вернувшись къ Фротону, говоритъ ему о численности непріятельскаго войска. Frotho побѣждаетъ Олимара, поступающаго къ нему на службу, но удаляется передъ гуннами, которые погибаютъ отъ собственной многочисленности; его покидаетъ Uggerus vates, „*vir aetatis incognitae et supra humanum terminum prolixae; qui Frothonem transfugae titulo petens, quicquid ab Hunis parabatur, edocuit.* Гунны собираютъ новое войско, которое Фротонъ разбиваетъ въ осьмидневной битвѣ (I, 240). „*Cujus (pugnae) prima dies tanta interfectorum strage recrudit, ut praecipui tres Rusciae fluvii, cadaveribus velut ponte constrati, pervii ac meabiles fierent. Praeterea quantum quis itineris per triduum equo conficere posset, tantum locorum humanis cadaveribus completum videret.* — Itaque praelio septem

dies extracto, cecidit rex Hun. Cujus frater eodem nomine, inclinatam Hunorum aciem conspicatus, cum sua se cohorte dedere conatus: non est. Eo bello septuaginta ac centum reges, qui aut ex Hunis erant aut inter Hunos militaverant, submittere se regi... Igitur Frotho vocatis in concionem regibus, sub uno eodemque jure degendi normam imponit. Praefecit autem Oimarum Holmgardiae, Önevum Gönogardiae, Hun vero captivo Saxoniam tribuens, Revillum Orcadibus donat. Provincias Helsingorum, Jarnberorum et Jamtorum cum utraque Lappia Dimaro cuidam procurandas attribuit; Dago Hestiae regimen erogavit. Itaque Frothonis regnum Rusciam ab ortu complectens ad occasum Rheno flumine limitatum est“.

Еще въ Antiquites russes I, 113 было указано на сходство роли, какую играет Эрикъ въ этомъ описаніи гуннской сѣчи, съ ролью Gizur'a въ гуннской же битвѣ Hervararsaga'и; Uggerus (=Yggr=Odinn) представилъ параллель къ приведенной выше угрозѣ Гизура: gramr eг ydr Odinn...

Chronicon Erici regis (Langebeck, Script. I, 153) пользовался, вѣроятно, тѣми же источниками, что и Саксонъ, въ разказѣ о гуннско–готскомъ побоищѣ, о которомъ знала, быть можетъ, и древняя сага о Skjöldung’ахъ (Heinzel, 49) и англосаксонскій Widsid, упоминающій Hlode и Incgentheow’a (=Hlödr и Angantyr) и Wurmhere (=Osmarr) Hervararsaga’и и побѣдоносную битву готовъ съ гуннами:

119 fall oft thaSr wîg ne
alaeg,
thonne HraSda here heardum
sweordum
ymb Wistlawudu wergan sceoldon
ealdne Sthelstul Aetlan leodum.

(„рѣдко тамъ обходилось безъ битвы, когда рать готовъ должна была калеными мечами оборонять у лѣса на Вислѣ древнія родовыя поселья отъ людей Аттилы“).

Эту битву готовъ съ гуннами, упоминаемую сѣверными источниками, проф. Гейнцель (стр. 51–54) склоненъ отождествить съ извѣстнымъ побоищемъ при Шалонѣ 451 года. Предложенное имъ сравненіе

лѣтописныхъ данныхъ о послѣднемъ съ описаніями саги и Саксона Грамматика не всегда убѣдительно, когда касается мелочей и орудуетъ дублетами, въ предположеніи, что въ одномъ лицѣ саги могли отразиться двѣ различныя историческія личности, поставленныя въ сходное, приблизительно, положеніе. Теоретически — обобщенія саги, народнаго преданія должны идти именно этимъ путемъ, отвлекая отъ историческихъ фактовъ ихъ суть, сводя въ одно, что представлялось аналогичнымъ, нагромождая на одно лицо сказанное о многихъ. Фактически доказать такой именно путь обобщенія трудно и частности всегда могутъ возбудить сомнѣніе. Такъ и въ нашемъ случаѣ: тамъ и здѣсь роковая битва готовъ съ гуннами, длящаяся нѣсколько дней, вначалѣ счастливая для гунновъ, имѣющая для готовъ особое значеніе, ибо дѣло идетъ для нихъ о защитѣ свободы и родины. Остановимся на частностяхъ сравненія: въ 439 году соперникъ Аэція, римскій полководецъ Литорій, нападаетъ съ гунской помощью на

тулузскихъ вестготовъ, разбить и взять въ плѣнь, либо убить; въ 450 году младшій сынъ одного франкскаго короля ищетъ покровительства Аэція и усыновленъ имъ, тогда какъ старшій обращается къ Аттилѣ, получившему такимъ образомъ поводъ къ вторженію въ Галлію. Аэцію перваго свидѣтельства, младшему франкскому царевичу втораго — отвѣчаетъ въ сагѣ одинъ и тотъ же Ангантиръ; противникъ послѣдняго, Numli — историческому Аттилѣ; Нлöd'у, воюющему въ союзѣ съ Numli, Литорій и, вмѣстѣ, одинъ изъ франкскихъ принцевъ: тотъ и другой опиравшіеся на помощь гунновъ. Можетъ быть, и въ Гизурѣ саги сохранилась память о вандальскомъ королѣ Гейзерихѣ (Gizericus, Gyzericus у Иордана), пособникъ и наущатель Аттилы¹⁾, а его Myrkvidr отразилъ въ себѣ герцинскій лѣсъ, лежавшій на пути Аттилы въ Галлію.

Какъ бы ни отнестись къ инымъ частностямъ предложеннаго сближенія, до

---

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ, стр. 82—83, Гейнцель выражаетъ предположеніе, что въ Гизурѣ могла сохраниться память о Генсимундѣ, воспитателѣ молодаго остготскаго короля.

сихъ поръ представляется вѣроятнымъ, что готско–гуннское побоище саги отразило въ себѣ народно–пѣсенное преданіе о знаменитой шалонской битвѣ, лишь иначе географически приуроченной. Готы саги являются не тулузскими вестготами, а обитателями Reidgotaland'a, отдѣленнаго лѣсомъ Myrkvidr отъ Hunaland'a, лежащаго отъ него къ югу или востоку. Въ сѣверныхъ памятникахъ названіемъ Reidgotaland'a обозначались различныя мѣстности: Ютландія, Померанія, Швеція, но также и Россія. Haur Erlendsson († 1334) перечисляетъ страны, лежащія у Gardaríki, между ними Púlínaland или Polena; „а на востокъ отъ Поляннїи лежитъ Reidgotaland, а далѣе Húnland“ (En austr fra Polena er Reidgotaland on tha Húnland). Такъ и въ Скальголтской книгѣ, гдѣ въ Gardaríki помѣщены города Pallteskja ok Koenugardar (Полоцкъ и Кіевъ). По этому представленію, Húnaland лежитъ въ южной и восточной Россіи, что отвѣчаетъ возрѣніямъ саги af Eigli einhenda (FAS. 3, 364: Hertryggr hefir konúngr heitit, hann rid

fyrir austr í Russia. that er mikít land ok fjölbyggt, ok liggr milli Húnalands ok Gardarícis=Гертриггомъ звали конунга, властвовавшего на востокъ, въ Россіи. Это великая и населенная страна, лежащая между Húnaland'омъ и Гардарики) и очевидно, нашей Нерварасагга'ѣ, помѣщающей столицу Ангантира въ области Днѣпра=(í Arheimum?), и именно въ градѣ Днѣпра=Danpar stadir, знающей въ странѣ готовъ славный „дремучій лѣсъ“ и священную могилу¹). Если послѣднія описательныя указанія могутъ быть приблизительно истолкованы въ связи съ южно-русской мѣстностью саги, то другія менѣе поддаются толкованію. Когда, отправляясь къ гуннамъ, Гизуръ спрашиваетъ Ангантира, въ какомъ мѣстѣ объявить имъ бой, тотъ отвѣчаетъ:

Kendu at Dylgju
Ok a Dunheidi
Ok a them öllum

---

¹) См. мою замѣтку: Кіевъ — градъ Днепра въ *Запискахъ романо-германскаго отдѣленія филологическаго общества* при Имп. С.-Петербургскомъ университетѣ. Выпускъ I (С.-Пб. 1888); *Heinzel*, стр. 57 слѣд.

Jösurfjöllum!
thar opt Gotar
Gunni hadu
Ok fagran sigu
Fraegir vagu.

„Назначь имъ (мѣсто) на Дилгѣ (вар. Dylgja) и на равнинѣ Dún’а и у всѣхъ горъ Jösur. Тамъ готы часто творили битву и одерживали, славные, блестящую побѣду“. — Dylgja не опредѣлима; въ первой части Dúnheidi могли отразиться, по мнѣнію Гейнцеля (стр. 70), названія Двины, Дона, скорѣе всего Дуная — можетъ быть, въ связи съ русскими походами на Дунай въ X вѣкѣ. Горы Jösur остаются загадочными — если это не горы ясовъ, то — есть, алановъ, осетинъ. Яскія горы упоминаются въ Крыму въ XIV вѣкѣ; одинъ источникъ XV столѣтія говоритъ объ аланскихъ или гунскихъ горахъ въ седмиградскихъ Карпатахъ; сл. Амм. Marcellinus 31, 2, 13: hoc (Tanai sc.) transito in immensum extentas Scythiae solitudines Halani inhabitant, ex montium appellatione cognominati.

Память о царствѣ Эрманариха въ южныхъ мѣстностяхъ Россіи могла пережить его историческое существованіе, варяги — слышать о немъ преданія и пѣсни отъ крымскихъ готовъ, съ которыми они приходили въ общеніе, въ которыхъ находили своихъ родичей: ομοροι οντες (то—есть, готы) ηθεςι τοις εκει τα παρα σθων αυτων ουκ αλοδιαφεροντες, говорить о варягахъ въ X вѣкѣ письмо готскаго монарха (Heinzel, 72). Такъ могло сложиться представленіе Инглигасаги (с. 20) о прибытіи боговъ, асовъ, въ Скандинавію съ сѣвернаго берега Чернаго моря, изъ великой Швеціи, Svíthjod hin mikla, иначе Godheimar, то—есть, страна боговъ, вмѣсто Got—heimar, страна готовъ (I. с. 75—76). Можетъ быть, отъ крымскихъ готовъ варяги слышали и какой—нибудь пѣсенный разказъ объ эпизодахъ битвы 451 года (см. I. с. 72). Такъ опредѣлился бы источникъ варяжскаго, то—есть, сѣвернаго преданія о ней, при чемъ ея локализацию на югѣ пришлось бы отнести на счетъ представленія сѣверныхъ людей о

мѣстоположеніи древняго Got–heimar. Но, очевидно, не крымскіе готы, были проводниками преданія, прошедшаго на сѣверъ неопредѣленными путями (I. с. 105), но въ редакціи, народный характеръ которой Гейнцель попытался опредѣлить. Я выбираю изъ сообщенныхъ имъ фактовъ лишь тѣ, которые рельефнѣе освѣщаютъ его аргументацію.

Сближенію готско–гуннской битвы Hervararsaga’и съ шалонской видимо перечить, по видимому, не столько измѣненіе мѣста дѣйствія, сколько забвеніе главнаго дѣйствующаго лица съ готской стороны: Теодориха вестготскаго. Первое, по отношенію къ нашей сагѣ, уже было объяснено, второе часто является результатомъ народныхъ, мѣстныхъ усвоеній громкаго историческаго факта, иногда забвенія лѣтописца. Такъ, Chronicon paschale (ed. Bonn. 1, 567 и слѣд.) переноситъ на Алариха слухъ, сообщаемый Іорданомъ (с. 40), будто Теодорихъ вестготскій убитъ былъ стрѣлою, и притомъ въ битвѣ на Дунаѣ, отвѣчающей —

шалонской: когда Атила грозилъ войною „Αειτιος απηλθε προς Αλλαριχον εις Γαλλιας, οντα δεχθον Ρωμης δια Ονωριον, και προετρεψατο αυτον αμα αυτω κατα Αττιλα, επειδη απωλεσεν πολεις πολλας της Ρωμης, και εξαιφνης επιρριψαντες αυτω, ως εστιν ηπληκευμενος πλησιον του Δανουβιου ποταμου, εκοψαν αυτου χιλιαδας πολλας εις δε την συμβουλην ο Αλλαριχος πληγην λαβων απο σαγιττας τελευτα“. — Детрикъ мадьярскихъ лѣтописей, раненый въ лобъ стрѣлою, по мнѣнію Гейнцаля (стр. 104), несомнѣнно вестготскій Іорданова преданія, но уже у Кезы онъ названъ веронскимъ, а въ одной передѣлкѣ его лѣтописи онъ являетъ черты, ясно окружавшія въ легендѣ его остготскаго соименника. Онъ бѣется, въ союзѣ съ Макриномъ, противъ Атилы на Дунаѣ (Кеза) или при Tarnok velgy (Chronicon Budense, ed Podhraczky, 1838, p. 15), и Гейнцель (p. 104) считаетъ вѣроятнымъ, что и въ этомъ случаѣ имѣется въ виду — шалонская битва, хотя буданская лѣтопись разказываетъ о

послѣдней далѣе и особо, выводя въ ней на мѣсто Теодориха — готскаго короля Aldaricus (Chron. Bud. 21). Еще и въ третьей и послѣдней битвѣ сыновей Аттилы, Аладарія (Алариха?) и Хабы, Гейнцель усматриваетъ „ясную связь съ воспоминаніями о побоищѣ 451 года, какъ они сохранились въ сѣверномъ преданіи“ (стр. 106).

Эта замѣна историческаго Теодориха вестготскаго Аларихомъ (и прибавимъ: Теодорихомъ остготскимъ) приготовляетъ насъ къ толкованію проф. Гейнцелемъ первоисточника сѣверной саги. Она не забыла Теодориха, а замѣнила его другимъ лицомъ. Центръ аргументаціи лежитъ въ толкованіи собственныхъ именъ: Hlödr и Anganty'r (сл. 77, 80—82) — это франкъ Chlodio, побѣжденный въ 428 г. Аэціемъ (стр. 51): Aiecius, Agetius, Agatius, что дало бы герм. Hagther, въ которомъ сѣверные люди нашли знакомое имъ имя: Anganther'a, Angantyr'a. Аэцій былъ женатъ на варварской, можетъ быть, готской царевнѣ, усыновилъ франкскаго принца, и

это могло повести къ представленію его самого германцемъ, особливо среди франковъ, надъ которыми римляне Сіагрій и Эгидій властвовали съ почти королевскою властью. Въ побѣдоносной битвѣ противъ Chlodio–Hlöd'a его братъ и противникъ Аэцій–Angantyr заступилъ мѣсто Теодориха вестготскаго; послѣдній, какъ извѣстно, палъ въ битвѣ, Angantyr остается въ живыхъ — по требованіямъ франкскаго преданія, внесшаго въ разказъ о битвѣ народныя имена, но оставившаго своихъ царевичей готами — ибо историческая память о роли готовъ въ шалонской побѣдѣ стояла слишкомъ крѣпко, и изъ нея трудно было сдѣлать франкскую, съ франкскимъ героемъ во главѣ (I. с. 77).

Если такъ, то въ сѣверную сагу преданіе о шалонскомъ побоищѣ должно было проникнуть въ франкской версіи, съ именами Chlodlo–Hlöd'a и Аэція–Ангантира, и сѣвернымъ людямъ принадлежитъ лишь его южное приуроченіе, навѣянное знакомствомъ съ Gotheimar. Но и оно оказывается не новымъ, если вѣрно

предположеніе Гейнцеля, что *Dunheidi*, гдѣ *Angantyr* предлагаетъ бой гуннамъ, отвѣчаетъ долину Дуная: ибо на Дунаѣ помѣщаются бой Алариха (Теодориха) съ гуннами и Пасхальная хроника, битву Теодориха съ Аттилой тамъ же мадьярскія лѣтописи. Эта согласная локалізація въ памятникахъ, взаимно независимыхъ (я особенно имѣю въ виду *Hervararsaga*'у), едва ли указываетъ на шалонскую битву и на Аттилу, а на какое-нибудь болѣе древнее столкновеніе готовъ съ гуннами и готскихъ властителей между собою, на болѣе древнихъ поселеньяхъ. Упомяну Эрманариха, погибшаго въ войнѣ съ гуннами, Винитара, которому гуннскій король *Valamer* противопоставилъ амала Сигизмунда и т. п. Я не дѣлаю попытки обстоятельныхъ сближеній, потому что для таковыхъ нѣтъ матеріаловъ. Замѣчу только, что въ *Hervararsaga*'ѣ нѣтъ и имени Аттилы, а названъ гуннскій царь *Hunli*, можетъ быть, не историческое, а эпическое имя, въ которомъ нѣтъ нужды видѣть поздній субститутъ имени Аттилы (сл. 1. с. 79).

Если въ Widsid'ѣ, гдѣ готы бьются съ гуннами „въ лѣсу Вислы” (Дакіи по мнѣнію Гейнцеля стр. 103), Аттила названъ рядомъ съ Hlilde–Hlöd'омъ и Incgentheow'омъ–Ангантиромъ, то развѣ его имя не можетъ быть подновленіемъ, почерпнутымъ изъ памяти о лицѣ, ставшемъ пѣсеннымъ показателемъ гунновъ?

Присоединимъ къ этому и другое возможное соображеніе: готы назначаютъ гуннамъ битву Dunheidi – ok a theim öllum Jösurfjöllum. Dunheidi, можетъ быть, долина не Дуная, а Дона, что согласовалось бы съ Jösurfjöllum=горами яссовъ или ясовъ, то–есть, алановъ, жившихъ на обширной сѣверо–кавказской равнинѣ, доходя на югъ до главнаго хребта и Даріальскаго ущелья, а на западъ до Мэотиды и нижняго теченія Дона¹). На Дону или за Дономъ бьются съ ними русскіе князья, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей²), знающихъ и „горы высокія,

---

¹) *Вс. Миллеръ*, Осетинскіе этюды, Часть III, стр. 10, 11, 23, 30, 32, 35, примѣч. 1, 43, 44, 45, 58, 71, 75, 97.

²) I. с. 66 слѣд.

яскія и черкасскія, близъ воротъ желѣзныхъ“, то—есть, кавказскія, въ которыхъ Аполлинарій Сидоній помѣщаетъ *caucasigenas alanos*³⁾). Ихъ западной границей было течение рѣки Дона, которой они дали названіе: осет. дон — вода, рѣка⁴⁾). У яскихъ горъ (*Jösurfjöllum*) и въ *Dunheidi*=долинѣ Дона и могли происходить битвы готовъ съ гуннами. Сл. *Ammian. Marcell. XXXI. 3, 1*: въ 375 году „гунны прошли черезъ земли алановъ.... убили и ограбили многихъ, а съ остальными заключили союзъ и, при ихъ содѣйствіи, съ большой увѣренностью проникли въ просторныя и плодородныя владѣнія Эрманраха, очень воинственнаго царя, котораго страшились всѣ сосѣдніе народы, вслѣдствіе его многочисленныхъ и различныхъ подвиговъ храбрости“⁵⁾). Это опредѣлило бы и мѣсто дѣйствія и историческія воспоминанія саги въ эпизодѣ о готско—гуннскомъ столкновеніи. Если оно

---

³⁾ I. с. 75.

⁴⁾ I. с. 7—8.

⁵⁾ I. с. 42—43.

является побѣдоноснымъ для готовъ, наперекоръ исторіи, то это лишь характеризуетъ народный источникъ, въ которомъ историческій фактъ дошелъ до сѣвернаго сказителя. Народная гордость идеализуетъ пораженія, обращая ихъ въ побѣду; нѣчто подобное предположилъ Гейнцель, объясняя, почему Ангантиръ не сраженъ, какъ его предполагаемый прототипъ — Теодорихъ вестготскій. Воспоминанія объ Аттилѣ совершенно удаляются передъ нашимъ соображеніемъ, но получается взамѣнъ просвѣтъ на древнія отношенія южной Руси, на битвы и подвиги, забытые исторіей, пересказанные сагой, но, можетъ быть, присутствующіе не узнаваемыми нынѣ чертами въ народной метоморфозѣ русской былины.

Александръ Веселовскій.